Очерк и Публицистика

Литературная газета — пазета — па

Маленькие эпизоды большой жизни оставьте, мол, себе... Факт, возможно, не-(Садриддин Айни)

Отаджикско-узбекском классике Садриддине Айни (1878 — 1954) при жизни ходило много баек. Часто забавных и безобидных, но не только...

Вот одна из них. В конце 40-х прошлого столетия, будучи в командировке в Москве, Айни в знак уважения пригласил в ресторан писателя К.Симонова и переводчика Р.Фиша. Ну, как водится, хорошо выпили (кроме виновника торжества), хорошо закусили, хорошо поговорили и разъехались по домам...

А примерно через месяц в Москву Симонову и Фишу из Душанбе от Айни пришёл ресторанный счёт. Писатель поделил расходы на троих и просил их вернуть почтовым переводом. Вот такое получилось угощеньице...

А вот другая байка, похожая на быль. Садриддин Айни был уже академиком, преподавал в Самаркандском университете, и по штату за ним была закреплена машина «ЗИМ», на которой шофёр три раза в неделю доставлял уважаемого домулло* до места работы.

Однако Айни почему-то часто отказывался от машины и по старой юношеской привычке запрягал своего белого осла и трусил на нём к университету. Со стороны это, возможно, выглядело некой блажью... Знаменитый писатель, академик (не Ходжа же Насреддин!) — и на осле! А на вопрос недоумённых коллег-преподавателей: «Неужели, домулло, на осле вам удобнее добираться, чем на "Зиме"?» — Айни неизменно ответствовал: «Машина может сломаться в дороге, а осёл — никогда! К тому же бензин-мензин ей нужен, а это, считайте, деньги, брошенные в тандыр»**.

Таким скупым, даже скаредным вырисовывался из этих обрывочных историй образ знаменитого писателя и учёного, человека, в общем-то, трагической судьбы, чем-то по аналогии схожей с судьбой другого, русского самородка из народа — Максима Горького.

Но так ли всё обстояло на самом деле? Где выдумка, а где правда?

Многое выяснилось после моей беседы с Рахимом Мукумовым (1922 — 2000) учёным-литературоведом. В начале 50-х годов он жил в Самарканде и учился в аспирантуре. Руководителем его научной работы был непосредственно Садриддин Айни. Мукумову на протяжении ряда лет посчастливилось находиться рядом с патриархом литературы и науки, сопровождать его в поездках по Узбекистану и Таджикистану.

— Это был кристальной души человек, рассказывал Рахим Раджабович. — Внимательный к людям и щедрый на добрые поступки. Я хорошо помню гостеприимный дом Айни в Самарканде, просторный двор с различными постройками. Помню, как со стороны соседского дувала к ним свешивалось чуть ли не пол-урючины. Плодоносное дерево каждое лето усыпало двор сладкими плодами. Домулло каждый раз наказывал дочери собирать абрикосы. И она, сложив их в вёдра, относила соседу. Хотя тот иной раз отказывался от плолов:

значительный, но характеризует человека... «У соседа много детей, да к тому же есть овцы, — говорил Айни. — А нам зачем чужой урожай?»

Памятной для меня осталась и поездка с Айни в Ленинабад (ныне Худжант) на встречу с читателями. Встреча происходила в пединституте. Потом в одном из кабинетов корреспондент местной газеты долго фотографировал Айни. Просил его то встать к окну, то подойти к парте, то сесть за стол... Наконец, как сейчас бы сказали, фотосессия закончилась.

— Когда будут готовы снимки? — спро-

 Домулло, — сказал вежливо корреспондент. — Я пришлю вам их вместе с газетой по почте...

— Э, э, так дело не пойдёт, — посуровел классик. — Я знаю корреспондентов... Особенно фотографов-матографов. Они, как башмачники или портные... Никогда не бывают точными... Обманывают или за-

— Что вы предлагаете? — обиделся корреспондент.

- Сделать фото к вечеру, к нашему отъезду, — Айни порылся в кармане кителя, достал деньги и протянул корреспонденту. Тот наотрез отказался от гонорара. Однако снимки были доставлены нам в указанное время.

До глубины души, пожалуй, меня тронул другой случай. Я успешно защитил кандидатскую диссертацию. И в этом тоже была немалая заслуга Айни. По такому знаменательному случаю (домулло никогда не посещал банкеты) и чтобы как-то восполнить эту брешь, я купил дорогой подарок и в назначенный час пришёл к своему наставнику. Айни, как всегда, принял меня радушно, провёл в кабинет, заставленный книгами, усадил за старинную столешницу, принадлежавшую, говорят, самому генералу Куропаткину. Мы долго говорили с домулло о жизни, о моём будущем, о литературе... Затем Айни достал из шкафчика, встроенного в стену, бутылку дорогостоящего коньяка. Налил мне пиалу — одну, вторую, сам он не пил, а только желал успехов... Так же неожиданно отобрал бутылку с пиалой и определил их на место. При этом не преминул сказать: Ибн-Сина говорил: малая толика

вина — здоровье, большая — вред... И, конечно, уходил я домой со своим дорогостоящим свёртком. Домулло наотрез отказался брать его... Таким мне Айни и

запомнился на всю жизнь.

 А как же байка про ресторан, Рахим Раджабович? — спросил я, выдержав паузу. — Знаю я её, знаю, — улыбнулся мой собеседник. — Для отчёта в бухгалтерии университета у Айни потребовали росписи на чеке Симонова и Фиша, но ни о каком возврате денег и не было речи... А бюрократы во все времена оставались бюрократами. Так командировочная быль обернулась анекдотом. И про осла Айни я прекрасно знал. Домулло всегда ценил свой и чужой труд. Относился ко всему бережно. Ведь нам, современникам, трудно понять человека, жившего в древней Бухаре

ском зиндане***, чудом миновавшего казни, познавшего в детстве и юности нищету и голод...

Впрочем, Айни прекрасно написал об этом в своих книгах «Смерть ростовщика», «Дохунда», «Рабы», «Воспоминания», «Бухара», ставших достоянием таджикской и узбекской литературы. В своё время последняя из них («Бухара») была удостоена Государственной премии СССР.

Произведения Айни были также переведены на русский язык, на многие другие

* Уважительное обращение к учителю (тюрк.)

** Глиняная печь (тюрк.) *** Тюрьма (тюрк.)

Одинокий пастух слова (Чингиз Айтматов)

¬ередина 90-х. Буйное время раздрая **О**могущественной державы. Малиновые пиджаки, биллиардные затылки, золотые цепи, растопыренные пальцы. Бандитские разборки, отстрел бизнесменов и политиков. «Отстрел промпартии» — невесело шутит мой старший приятель, памятуя приснопамятные 30-е годы. Идут войны на Кавказе. То там загорится, то здесь... Погасят пожар в одном месте — вспыхивает в другом. И так изо дня в день. На «голубом глазу» и в газетах — военные сводки. И, странное дело, начинаешь привыкать к непривычной жизни с «новым мышлением». Такова, видимо, сила манипуляции

Но всё это, кажется, происходит где-то далеко, там, за пределами республики. Здесь же, в Ташкенте, относительная тишина. Правда, передел тоже идёт (время «космического хапка» не миновало и местную элиту), но проводится относительно скрытно, тихо. Скрытно делят, скрытно воруют и скрытно не платят законопослушным гражданам — на госслужбе и особен-

но у новоявленных буржуев-баев... В один из таких дней поздней среднеазиатской осени (услужливые местные политики уже назвали её по американской подсказке «центральноазиатской») мы с татарским поэтом Рифатом Гумеровым возвращались домой через бывшую Красную площадь — ныне Мустакиллик POPOTO) OTIGTE WA POSTA PETRITATO HO

восточному помпезного музея Ленина, у светофора, мы остановились. По домам мы не спешили, хотелось выговориться о стихах, о нынешней непонятной и паршивой жизни... К тому же и день портился на глазах: рано стемнело, стал накрапывать дождик, под ногами метались листья... И тут Рифат вдруг схватил

Смотри, — сказал он. — Живой клас-

Неподалёку от нас в реденькой толпе стоял Чингиз Айтматов. Я его сразу узнал по многочисленным фотографиям и редким встречам в Союзе писателей, в издательствах, на различных симпозиумах, где он неизменно сидел в президиуме..

Писатель был в плаще и шляпе. Я знал, что в городе в эти дни проходит какое-то совещание по культурным связям центральноазиатских республик. Чингиз Айтматов был председателем мероприятия и специально приехал для участия в нём из Киргизии. К тому же, здесь, в Ташкенте, у Айтматова было много друзей — коллег по перу, почитателей его огромного таланта... Он всегда находился в окружении множества людей. К нему было крайне трудно пробиться на приём, взять у него

А тут вдруг — один, без провожатых и даже без машины, пёхом, как многие. Стало обидно за всемирно известного писателя. Я тоже безмерно любил его книги, особенно ранние: «Тополёк мой в красной косынке», «Первый учитель», «Прощай, Гульсары», «Пегий пёс, бегущий краем моря».. Светлые, жизнелюбивые, щемящие серд-

И мне в голову пришла дерзкая мысль. — Давай, Рифат, — предложил я, пригласим Айтматова в нашу журналистскую кафешку под флагом!

— Удобно ли?.. Пойдёт ли?.. — засомне-— Это второе дело, главное — пригла-

сить, - настоял я. – Верно, — согласился Гумеров. — А

бабки у нас есть?

Мы лихорадочно стали выворачи вать карманы... Увы, наскребли цветных бумажек-сумов только на бутылку плохой водки... С такими деньгами заведомо стыдно приглашать куда-либо именитого гостя. Мы переглянулись, поняли друг пруга без слов и грустно взлохну

В это время мимо нас с шумом промчался правительственный кортеж. Озорно мигнул зелёный глаз светофора. Про-

хожие облегчённо двинулись с места. Мы с Гумеровым долго ещё провожали рассеянным взглядом высокую и чуть ссутулившуюся фигуру писателя. Он был совершенно одинок, как, впрочем, и мы, среди разношёрстной и равнодушной толпы, незаметно в одночасье превратившейся из «читающего» народа в «считающий»...

Когда-то один из критиков очень метко назвал Айтматова в своей статье «пастухом слова»... И это был точный эпитет. Сейчас «пастух», как нам казалось, одиноко и медленно таял, таял в свете ярких огней, мокрого асфальта и аляповатых листьев... Путь его лежал в гостиницу, а наш, естественно, в кафешку — под флагом... Обида давила...

Однако моя несостоявшаяся встреча с известным писателем всё же имела такое же случайное, но, к счастью, логическое завершение

Года через два после этого случая, будучи главным редактором журнала «Звезла Востока», я пришёл с какими-то бумагами на подпись в республиканский центр по культурным связям к его председателю писателю-фронтовику Адылу Якубову. У него в кабинете как раз находился приехавший на очередное совещание... Чингиз Айтматов!

Секретарша, молоденькая газель с озорными глазами, доложила о моём приходе, и Якубов без всяких проволочек принял меня. Я поздоровался с аксакалами нашей литературы.

— Давай, что надо подписать, — сказал просто Якубов.

Когда бумаги были завизированы, я собрался было уходить, но Адыл Якубович решительно остановил: — Э, не торопись, Николай. У тебя неотложные дела, да? Не хочешь выпить с нами по пиалушке чая, да?

— Почему не хочу? — засмущался я. — Тогда присаживайся.

Чингиз Айтматов сидел в кожаном кресле в строгом костюме и при галстуке. Перед ним на журнальном столике стоял фарфоровый чайник, разрисованный хлопковыми коробочками, и пиалушки. Зашла секретарша, поставила ляган с курагой, кишмишем и миндалём...

За душистым зелёным чаем потекла неторопливая беседа о литературе, о нынешней жизни. Я поделился своими искренними впечатлениями о прочитанных книгах Айтматова... Классик внимательно слушал и был, смею думать, заинтересован моим читательским откликом. Осмелев, я рассказал о встрече с ним двухгодичной давности на перекрёстке: о том, как мы хотели с Гумеровым пригласить его в журналистскую кафешку под флагом. Я думал, о таком пустяке писатель мог и не помнить, но Чингиз Торекулович заметно оживился и сказал:

 Помню, в тот вечер я возвращался в гостиницу от Адыла Якубовича. Мне тогда действительно было одиноко и неуютно... — Отхлебнув из пиалушки чая, он улыбнулся: — И зря не пригласили!.. Что не хватило у вас денег — не беда... Неужепи я бы не купил бутылку коньяка?

Утро человеческой жизни (О Леониде Сергееве)

•ниги нашего детства... Однажды про-**П**читанные в раннем возрасте, они сопровождают нас всю дальнейшую жизнь. Вспомните героев Марка Твена, Аркадия Гайдара, Леонида Пантелеева, которые идут к своей мечте твёрдо и уверенно, хотя на их пути нередко возникают преграды из ошибок, лжи, предательства, малоопытности... Но они проходят через всё это, оставаясь людьми — Людьми с большой буквы.

На мой взглял, такие же Люди с большой буквы «населяют» мою любимую повесть писателя Леонида Сергеева «Утренние трамваи». Это — воспоминания взрослого человека о своём детстве в провинциальном российском городке. Козы, пасущиеся на дне оврага, пыльные лопухи, жмущиеся к домам на узких улочках, берёза, с которой, если взобраться, хорошо просматривается округа, дети и подростки, занятые своей интересной жизнью... Автор через мельчайшие детали быта послевоенных лет прослеживает становление характера своего героя: динамику отношений с друзьями и родственниками, томительно зарождающееся чувство любви, похожее на хрупкий одуванчик возле стальных рельс... Автор анализирует ту самую пору взросления подростковой души, когда, по меткому выражению Г.Маркеса, «... в этом мире ты всего лишь человек, но для кого-то ты — весь мир»; когда поступки близких тебе людей воспринимаются остро и на многие вопросы пока нет ответа, но когда верится, что ответы обязательно будут. Об этом убедительно говорят стихи В. Берестова:

Станет поступь другой. Сны другие приснятся Вдруг исчезнут игрушки. Нахлынут мечты. И былое померкнет перед небывалым, И покажется милый родительский дом Неуютным в сравненье с походным привалом, Мы об этом ещё пожалеем потом Прошло уже много лет с тех пор, как

Неизбежно с неведомым дети роднятся:

Звёзды! Бури морские! Над бездной мосты!

я, тогда ещё начинающий поэт, взял в руки повесть Леонида Сергеева. Открыл и прочёл на одном дыхании, не отрываясь: «...В детстве меня всё время тянуло к ребятам со странностями, к мальчишкам с ослепительной фантазией, совершающим такие немыслимые поступки, которые нормальному человеку и в голову не придут. Немногие отваживались дружить с такими, а меня к ним тянуло. Я думаю, потому что во мне сидел какойто чёртик, который постоянно подталкивал к разным авантюрам, а скорее, потому что я сам был слишком нормальным, чтобы придумать что-нибудь необыкновенное»...

Вот и теперь, зрелым человеком, когда порой становится грустно, я достаю с полки эту повесть, и звоны «Утренних трамваев» лруга-писателя оживают в моей луше, превращаясь в музыку... В гимн «утра человеческой жизни» — зовущим открывать, пюбить наподтьед на пушно

1 (окончание)

наполеоновскими жандармами, вывезен из Германии, где он жил вместе с молодой женой, во французскую тюрьму и расстрелян по приказу Наполеона без суда и следствия в крепостном рву. Существует мнение, что Толстой в «Войне и мире» окарикатурил образ Наполеона, и никто не заметил, что Толстой увидел в этом событии то же, что и Пушкин в убийстве Моцарта, то есть крах какихлибо претензий на гениальность и Сальери, и Наполеона, потому что законы Красоты, Добра и Правды несовместимы со злолейскими поступками и лелами. И эту мысль Толстой проводит в своей великой эпопее от первых страниц до последних.

Сейчас много говорят о личной нравственности и очень мало или совсем не говорят о «повреждении нравов» в современной России или, если посмотреть шире, в современном мире. Личную нравственность можно сравнить с маленькой, горящей в непроглядной тьме свечкой, которую даже первый порыв ветра может погасить. Только в том случае, когда загорятся миллионы свечек, можно будет рассеять тьму безнравственности, сгустившейся над людьми.

Пушкин это прекрасно понимал и, сочувствуя декабристам, всё-таки отказался принять участие в восстании. Он был социальным мыслителем и выдающимся историком, который задолго до В.О. Ключевского видел в российском государстве три общественные силы: 1) власть (царь и бюрократия всех степеней и рангов); 2) общественность (дворянская интеллигенция, если она способна понимать интересы всего общества, а не только свои личные или интересы своего класса); 3) народ, - и надеялся на то, что эти три силы будут работать на благо общества в условиях взаимного понимания и согласия. Именно поэтому он принял предложение императора Николая I служить своим пером новому порядку в Государстве Российском, который хотел навести император. После личной встречи с последним в Кремле, когда Пушкин и царь остались весьма довольны друг другом, поэт написал знаменитые «Стансы». Пушкин увидел сходство в событиях, ознаменовавших начало царствования и Петра I, и Николая Павловича, и призывал нового царя быть во всём подобным «пращуру». В этом он видел залог «славы и добра». Пушкин как честный и порядочный человек поверил обещанию царя быть его личным цензором. Однако последние десять лет жизни поэта прошли в унизительном для него контроле со стороны жандармов во главе с Бенкендорфом, со стороны министра просвещения С.С. Уварова и чиновников цензурного ведомства. Пушкин сделал 10 мая 1834 года следующую запись в сво-

при феодальном строе силевшего в эм

«Государю неугодно было, что о своём камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться - и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным».

словах! И всё-таки, несмотря на унижения, Пушкин до конца жизни оставался патриотом. Его стихотворение «Клеветникам России», написанное в связи с польским восстанием 1831 года, вызвало полунегодование-полуиронию П.А. Вяземского и А.И. Тургенева. «Смешно, -

Сколько негодования и горечи в этих

на Россию, и Пушкин, писавший им ответ в стихах». Что же касается опоры режима, вельмож и бюрократов, «жадной толпой стоящих у трона», то поэт хорошо знал им цену. «[Князь] Кочубей и граф] Нессельроде, - писал он в дневнике, - получили по 200000 р. на прокормление своих голодных крестьян. Эти деньги останутся в их карманах». Когда Кочубей, председатель Государственного совета, скоропостижно скончался, «государь был неутешен, - писал Пушкин. - Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея некем заменить». Когда Пушкин получил от Чаадаева оттиск напечатанного в журнале «Телескоп» столь нашумевшего «Философического письма», он написал ему 19 октября 1836 года неотправленное письмо, в котором говорилось: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что

его произведения, с цензурными изъятиями, писал: «Пушкин... нанёс решительный удар ораторской истории, в коей Карамзин был у нас первым и последним мастером... Пушкин пролагает теперь новую дорогу. Многие читатели, привыкшие к риторике, не отдают ей [«Истории Пугачёва»] справедливость за мнимую простоту и лёгкость. О, если б они знали, как ещё трудно и мудрено писать по-русски легко и просто, то они стали бы говорить иначе и воздали бы хвалу автору, который овладел языком до такой степени, что может го-

ворить им, как хочет». В этом труде Пушкин-историк показал, что на стороне Пугачёва были не только русские крепостные мужики, но и инородцы, башкиры и казахи, что восставшими руководил «славный мятежник» и что «правительство со своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно».

Правда, в последней своей вещи, повести «Капитанская дочка», Пушкин

окровавленная, показана была народу». Пушкин закончил повесть, дав понять читателю, что «славный мятежник» и молодой русский офицер Пётр Андреевич Гринёв, которых свела вместе судьба, русские люди, при ином общественном устройстве могшие быть полезны друг другу и жить свободно и счастливо. В толковом словаре мудрость опреде-

ляется как способность здраво судить о практических делах и быть при этом в высшей степени проницательным; мудрость предполагает также идеальные качества ума и характера человека, который, благодаря жизненному опыту, природной одарённости и постоянному размышлению и обучению, стал способен к глубокому пониманию и философскому мышлению.

Бертран Рассел, выдающийся английский математик, логик, философ и автор множества книг на самые разные темы, в одном из своих эссе сформулировал определение мудрости.

Мудрость, по его мнению, во-первых, состоит в полноте видения. Однако ею могут и не обладать специалисты в какой-либо отрасли знания; полнота видения заключается в учёте и понимании важнейших факторов, составляющих проблему, и наделении каждого из них соответствующим весом.

Во-вторых, мудрость включает в себя непременное осознание целей человеческой жизни при условии правильного выбора целей в согласии с интеллектом и чувствами и при отказе от личных предубеждений.

Наконец, в-третьих, мудрость состоит в свободе (насколько это возможно) от тирании «здесь» и «теперь» и в полной беспристрастности - в этом, по существу, недостижимом идеале, который может быть достигнут в достаточно высокой степени лишь благодаря знанию вещей, «удалённых в пространстве и времени» [т.е. благодаря знанию науки, философии, истории, литературы и искусства] и оценке их с эмоциональной и интеллектуальной точки зрения. И с точки зрения совести, добавим мы.

Если открыть том Пушкина на любой странице и начать читать, поражаешься широтой видения, гуманными целями и свободой от лицемерия и приспособленчества. Например, в «Сказке о рыбаке и рыбке» читаем: «А народ-то над ним насмеялся: «Поделом тебе, старый невежа! Впредь тебе, невежа, наука: не садися не в свои сани!» Какую глубокую мысль пытается внушить читателю Пушкин! Народ видит, что какой-то старичок в ободранной одежде лезет в покои царицы, видит, как его «взашей затолкали» и как стража «топорами чуть не изрубила», но народ не знает, что почитаемая народом царица, эта вздорная и злая баба, сидит

на царском троне только благодаря бедному старому рыбаку и золотой рыбке. Народ так же способен заблуждаться, как и отдельная личность - именно эту мысль пытается внушить нам Пушкин. Что же касается знания «вещей, уда-

лённых в пространстве и времени», то среди выдающихся русских писателей XIX века нет ни одного, кроме Пушкина, который бы обладал такими же всесторонними знаниями и который бы до конца жизни стремился к их обогащению. Приведём лишь один пример. В своём журнале «Современник» Пушкин печатает статью князя Козловского о... теории вероятности и заказывает ему же статью о паровых машинах.

Проницательный читатель, вероятно, хочет возразить: «Допустим, вы правы. Но о какой мудрости может идти речь, если Пушкин проигрывал в карты десятки тысяч рублей!» Идя под венец, Пушкин обещал не брать больше карты в руки. В течение трёх лет он был верен своему обещанию. Подав в конце июня 1834 года прошение об отставке, поэт ждёт ответа от императора. Нервное напряжение ожидания было так велико, что он ищет разрядку за карточным столом. Проиграв 20 тысяч рублей, то есть все деньги, какие у него были, Пушкин с глубоким смирением пишет жене: «Были деньги... - и проиграл их. Но что делать? Я так был желчен... Всё Тот [царь] виноват, но Бог с ним».

Мудрость неотделима от душевного спокойствия. Пушкин находил его только в деревенской тишине Михайловского или Болдина, вдали от «свинского Петербурга» с его «духом неволи». Можно только удивляться и восхищаться мужеством и стойкостью убеждений человека, жившего в обществе, о котором он писал Чаадаеву: «Нужно признать, что наше общественное бытие очень печально; это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что связано с долгом, справедливостью и истиной, это циническое презрение к мысли и человеческому достоинству, - всё это способно, действительно, приводить в отчаяние».

Именно к мудрости Пушкина прибегали в трудные часы русские гении Гоголь, Достоевский и Александр Блок. В своём последнем предсмертном стихотворении, прощаясь с жизнью и поэзией, Александр Блок сказал:

> Пропуская дней гнетущих Кратковременный обман, Прозревали дней грядущих Сине-розовый туман. Пушкин! Тайную свободу Пели мы вослед тебе. Дай нам руку в непогоду, Помоги в немой борьбе!

Юрий Дубровин

Мудрость Пушкина

писал князь Вяземский, - когда Пушкин хвастается, что мы не сожжём Варшавы. И вестимо, потому что после нам пришлось бы застроить её». По-другому посмотрел на это стихотворение П.Я. Чаадаев. Он писал Пушкину: «Вы - национальный поэт... Стихотворение к врагам России в особенности изумительно, это я говорю вам. В нём больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране... Не все держатся здесь [в Москве] моего взгляда, это вы, вероятно и сами подозреваете; но пусть их говорят, а мы пойдём вперёд. Мне хочется сказать: вот, наконец, явился наш Дант».

Стихотворение вызвало одобрение Николая Павловича, но поэт не ставил в нём знак равенства между государством и его главой, между бюрократией и национальными интересами. Впоследствии сын поэта Мицкевича и польские радикалы оценили это. Вместе с тем Пушкин прекрасно понимал, что абсолютистский режим Николая I кажется несокрушимым. А.И. Герцен заметил: «Но если никто не верил в божественность императорской власти, то в силу её верили все – любившие её и ненавидевшие, свои и чужие, герцог Веллингтон и маршал Себастиани, Меттерних и Казимир Перье, ораторы, нападавшие на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков». После беседы с царём 8 сентября 1826 года Пушкин по предложению Николая Павловича составил записку «О народном воспитании». Пушкин считал, что в воспитании «надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия», что «у нас слишком ограничены идеи» и что «в России всё продажно». Мнение царя об этой записке выразилось в резолюции: «Выставляемое им начало, что просвещение и гений составляют всё, есть начало ложное в глазах всех правительств». Нет ничего удивительного, что примерно за полгода до смерти Пушкин с глубокой горечью и негодованием писал жене: «Чёрт догадал меня родиться в России с душою и талантом». Третья общественная сила - народ -

всегда была в поле зрения Пушкина. В трагедии «Борис Годунов» народ становится на сторону самозванца, но «народ безмолвствует», когда слышит об убийстве царицы и её сына Феодора, и сохраняет молчание в ответ на призыв боярина приветствовать царя-самозванца. В «Истории Пугачёва» проявился великолепный талант Пушкина-историка. М.П. Погодин, прочитав пушкинский труд, вышедший в свет, как почти все написал в пропущенной главе знаменитые, ставшие афоризмом слова: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Этот афоризм, как и многие другие, толкуют вкривь и вкось. На самом деле, пугачёвское восстание, пугачёвщина, оказалось бессмысленным потому, что на стороне власти была сила, регулярные войска, которыми командовали боевые офицеры Суворов и Михельсон. Пока против восставших «действовали слабо и без усердия» немцы Рейнсдорп, Карр и Фрейман, Пугачёв и его сподвижники одерживали победу за победой. Пушкин не скрывал, что среди восставших крестьян были «выслужившиеся из солдат офицеры», то есть люди, ещё не потерявшие связь с народом. В «Капитанской дочке» после расска-

за о встрече Марьи Ивановны, невесты Гринёва, с императрицей Екатериной II, которая «простила» Гринёва, хотя он и не принимал участия в восстании, идёт небольшое уведомление от издателя. В нём говорится: «Из семейственных преданий известно, что он [Гринёв] был освобождён от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая и